

УДК: 94

DOI: 10.25629/НС.2023.01.08

ВДОВСТВУЮЩАЯ ИМПЕРАТРИЦА ЦЫСИ И ВОССТАНИЕ ИХЭТУАНЕЙ В КИТАЕ ПО МАТЕРИАЛАМ РУССКОЙ ПРЕССЫ

Ли Дунсинь

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Аннотация. В статье на основе материалов русской периодики рассматривается роль вдовствующей императрицы Цыси в движении ихэтуаней в Китае, пик которого пришелся на май–август 1900 г. Отсутствие достоверных сведений из Китая из-за нарушенной телеграфной связи компенсировалось публикацией разного рода материалов, включая слухи, из иностранной прессы. В российской историографии уделяется внимание восприятию в целом восстания ихэтуаней в русской прессе в контексте перспективы развития русско-китайских отношений и судьбы китайской цивилизации в начале XX в. Однако ключевая фигура тех событий – вдовствующая императрица Цыси, которая считалась фактической правительницей империи Цин, – оказалась на периферии исследовательского интереса. Делается вывод, что читателей русской прессы регулярно информировали о действиях и политических решениях вдовствующей императрицы, включая ее поддержку восставших и объявление войны иностранным державам, осуществившим десант в империю, однако в таких публикациях отсутствовали негативные оценки ее деятельности, отмечались ее волевые качества и стремление сохранить целостность империи.

Ключевые слова: империя Цин, Пекин, вдовствующая императрица Цыси, восстание ихэтуаней.

Движение ихэтуаней (1898–1901) возникло в низах китайского общества как ответная реакция на иностранную экспансию. Участников движения объединяли приверженность к конфуцианству, национализму и неприятие достижений европейского прогресса. Движение ихэтуаней развернулось в тот момент, когда империя Цин находилась в положении полукolonии. С середины XIX и до начала XX в. Китай подписал более десяти неравноправных договоров с Японией, США и странами Европы, в результате которых потерпел ряд дипломатических и военных поражений. Кроме того, к концу XIX в. началась первая волна раздела Китая. В пользу Англии был ограничен суверенитет над всем бассейном Ян-цзе-цанга, при этом Цзаочжоу был захвачен Германией как колония, а Гуанжойвань в качестве арендованной территории находился под управлением Франции.

С 1898 г. в провинции Шаньдун активизировалась деятельность тайных обществ, называемых «Ихэцюань» или «Дадаохуэй». Названия можно перевести как «Кулак Ихэ», «Кулак во имя мира и справедливости», «Большой Кулак». Из-за схожести физических упражнений (цюань) с кулачным боем, которым занимались члены данных обществ, европейцы прозвали их «боксерами». Движение ихэтуаней подобно многим народным движениям в Китае включало в себя апелляцию к сверхъестественному. Его участники считали, что именно преступления иностранцев, хозяйничавших в Китае и инициировавших строительство железных дорог на землях, где располагались когда-то кладбища, мешали исполнять традиционные обряды, это вызвало возмущение Неба, в результате чего в Китае наступила засуха и произошло наводнение, на страну обрушились несчастья.

Под лозунгом «Поддержим Цин, смерть иностранцам!» восставшие разбирали железнодорожные пути, снимали электрические провода, рубили телеграфные столбы, ломали паровозы, разрушали пароходы, сжигали церкви и убивали прихожан-христиан и иностранцев. Движе-

ние ихэтуаней ширилось, охватывая как сельские местности, так и города. Весной 1900 г. боксерское движение быстро распространилось на север от Шаньдуна – в сельскую местность близ Пекина.

Идеология ихэтуаней была близка партии вдовствующей императрицы Цыси, которая содействовала осуществлению государственного переворота в 1898 г., свержению императора Цзайтяня и его «кабинета» реформаторов. Причина государственного переворота крылась в неприятии бюрократией, политической и военной элитами нового курса государственной политики реформаторов, который был направлен на оздоровление военной системы, а также системы управления и экономики Китая.

В русской прессе было опубликовано много статей, репортажей, заметок, корреспонденций и других сведений, посвященных действиям восставших и роли вдовствующей императрицы Цыси. События в Китае стали ключевой темой для русской прессы 1900 г. На страницах русских изданий встречаются как ежедневные репортажи о происходивших военных событиях, вступлении союзников в Пекин и указах китайского правительства, так и обзорные статьи, авторы которых пытались разобраться, дать оценку событиям в Китае. В историографии исследователи неоднократно обращались к этой теме в контексте изучения русско-китайских отношений [1]. Однако фигура вдовствующей императрицы Цыси оставалась на периферии внимания исследователей.

Русским читателям регулярно сообщали о действиях вдовствующей императрицы, более того, подчеркивалось, что она является центральной фигурой нынешних событий в Китае. Достоверными сведениями о правительнице авторы статей не располагали, поэтому часто пересказывали сведения о ней из европейских газет. «Нынешняя императрица Китая была второй женой предшествующего императора. Дочь бедных родителей, она сумела из рабыни достигнуть степени повелительницы обширнейшей империи и долгое время управлять ей железной рукою. Она, несомненно, одна из гениальнейших женщин, когда-либо появлявшихся на Дальнем Востоке. Когда в 1861 г. умер император Хсен-Жунг, после него остался только пятилетний ребенок, рожденный одной из наложниц. Мать его и вдовствующая императрица сделали регентами. Достигнув зрелого возраста, император взял бразды правления в свои руки, но управлял страной только два года. Затем он вдруг умер. Говорили, что родная мать причастна к его смерти. Мать стала во главе правления, но, не будучи властолюбивой, предоставила вдовствующей императрице полную свободу. С тех пор последняя управляла с полным произволом. В одно прекрасное время население Пекина узнало, что родился новый император. Регентство взяла в свои руки его “тетка”. Она сместила старых чиновников и заменила их новыми. Она же открыла знаменитого Ли-Хунг-Чанга. Оба сделали союзниками. Достигнув совершеннолетия в 1889 г., император женился и попробовал отнять власть у регентши, но попытка не удалась. Теперь императору 30 лет, а вдовствующей императрице – 64 года» [2, с. 2].

Из-за отсутствия полноты сведений авторы не могли должным образом оценить роль вдовствующей императрицы в восстании ихэтуаней, о чем открыто писали: «Роль китайской вдовствующей императрицы в нынешних событиях на востоке Азии еще не выяснилась. Одни говорят, что императрица – виновница всех смут и воплощение всякого застоя и ненависти к иностранцам; по словам других, она ничем не отличается от прочих властителей, разделяющих с ней обязанности по управлению обширным государством» [3, с. 2–3].

При публикации новостей из Китая в 1900 г. печатались слухи о бегстве, заточении императрицы, отравлении, самоубийстве. Оригинальной статьей, выбивающейся из этого ряда новостных слухов, является перепечатка из английской газеты о приеме у вдовствующей императрицы жен дипломатических посланников, который якобы состоялся в феврале 1900 г. В газетной редакции ошиблись, конкретно эта аудиенция состоялась 13 декабря 1898 г. Это была аудиенция-знакомство, первая встреча вдовствующей императрицы с женами европейских дипломатов. Безусловно, эта встреча произвела на дам незабываемое впечатление. Публикация была неслучайной, она появилась в самый разгар трагических событий в Пекине в июне 1900 г. На том приеме императрица-регентша была любезна, она обратилась к гостям: «Вы должны смотреть на меня, как на сестру <...> мы все принадлежим к одной и той же семье. Надеюсь,

что это не одни лишь слова. У нас у всех – одна цель: сделать мир более счастливым и более мудрым. Я знаю, что каждая из вас выбрала круг своей деятельности. У меня есть свой круг деятельности. И хотя я – старуха, тем не менее надеюсь, что еще много лет буду исполнять свое дело. Мне доставило большое удовольствие возобновить наше знакомство, и я надеюсь, что чаще буду иметь удовольствие видеть вас у себя. Если же будут большие промежутки, то не думайте, что я забыла вас, так как я слишком занята. Китайским женщинам приходится много работать, и повелительница этой страны более занята, чем беднейшие кули. Сегодняшний праздник надолго останется для меня источником приятных воспоминаний» [4, с. 2–3].

Осень 1899 г. в Пекине прошла спокойно. Императрице Цыси исполнилось 65 лет, по этому случаю в столице были устроены пышные торжества. Через несколько месяцев ситуация резко изменилась, в мае–июне 1900 г. численность восставших возросла до 100 тыс. бойцов, и их движение превратилось в мощное выступление. Правительство, оказавшееся в двусмысленном и неустановленном положении, действовало крайне нерешительно: то высылало войска против иностранцев, то призывало страну защищать иностранцев от агрессии и насилия. В русской прессе указывали на поддержку восставших императрицей, в этом отношении характерно название газетной статьи «Китайские “Кулаки” и их покровители»: «Фанатики-сектанты пользуются покровительством высших властей в Пекине, свидетельствует теперь английский профессор Дуглас, известный знаток китайской цивилизации. Он сделал извлечение из приказа вдовствующей императрицы от января текущего года губернаторам, в котором сказано, что губернаторы должны принять строгие меры против “беспольных людей, собирающихся в шайки и совершающих разные бесчинства”, но щадить “покорных и верных подданных, занимающихся физическими упражнениями для ограждения своих семейств”. В пояснение к этому Times сообщает, что “Кулаки” выставляют себя чем-то вроде гимнастического общества, члены которого явно занимаются телесными упражнениями, но тайно преследуют политические цели. Цель же общества “Кулаков” заключается в том, чтобы поддерживать нынешнее реакционное правительство. Вот почему в Пекине им и пользовались для борьбы с партией реформ и с иностранцами. Губернаторам, которым послан приведенный приказ, нетрудно, конечно, было понять, что под словами “беспольные люди” разумеются партии реформы, а под словами “верные подданные” – не кто иные, как именно “Кулаки”, герои последних убийств и других насилий над христианами в Китае. Ареной нынешних беспорядков служат окрестности Пекина» [5, с. 2].

Редакция «Амурской газеты» объясняла эту поддержку тем, что «правительство богдыханши ищет опоры не в продаже мест и чинов мандаринам, которым оно больше не доверяет, а в народной революции и озлоблении против иностранцев», «чтобы поддержать пошатнувшийся трон Маньчжурской династии» [6, стлб. 1163].

Далее в редакции «Амурской газеты» пытались разгадать замысел императрицы. «Она прекратила выдачу концессий, обставила затруднениями исполнение уже данных, оставила без выполнения разрешение навигации иностранцам по всем водным путям государства и приняла обширные и деятельные меры к восстановлению военного могущества империи, совершенно расстроенного во время управления Цзайтянь. По-видимому, восстание ихэтуанцев вспыхнуло слишком рано, но было бы неестественно, если бы правительница истребляла этих патриотов, стремящихся к тому же, к чему направляет свои усилия и она сама. Если их не удалось сдерживать до поры до времени, то оставалось только поддержать. <...> Антиевропейское движение, конечно, не признало бы европейского права. Другое дело – сознание европейского могущества, о котором Тхи-Тси осведомлена, и о раздорах между европейцами. Расчет ли на эти раздоры или невозможность противиться национальному движению, уже вышедшему из берегов, или и то, и другое, или, наконец, еще иные факторы, нам неизвестные, могли склонить искусную и опытную правительницу к войне с Европой. Возможно, что она протянет как можно дольше игру в мятеж, с которым она будто бы может сладить» [7, стлб. 1402].

Высказывалось предположение, что императрица вовсе невиновна, что она является марионеткой в руках принца Туана (его сын был провозглашен в начале 1900 г. наследником престола в Китае), который хотел завладеть престолом. Он воспользовался восстанием ихэтуаней, чтобы

осуществить свой коварный замысел. «В Европе обыкновенно считают вдовствующую императрицу виновницей настоящей реакции и неурядицы в Китае. Но в действительности она все время была лишь оружием в руках Туана. Чтобы очистить престол своему сыну, он сначала убедил честолюбивую императрицу низвергнуть императора, а когда это было сделано, но начал готовить почву для низвержения императрицы и для этого воспользовался боксерским движением, во главе которого он встал. Боксеры были нужны ему не только для его личных целей, но и для борьбы с ненавистными ему европейцами» [8, стлб. 1443–1444]. В газете «Новое время» содержится оригинальное объяснение причин восстания ихэтуаней со слов бывшего советника императора: «По его мнению, революционное движение в северном Китае вызвано русскими интригами (!) и организовано только ради достижения целей, к которым стремится Россия (!). Россия ведь всегда держала сторону маньчжуров и, понятно, не даром (!)» [9, с. 3].

В газетах печатались материалы, в которых говорилось о действиях бывших реформаторов, которые пострадали в ходе дворцового переворота. Так, было напечатано воззвание бывшего советника императора Цзайтяня, который «опасался преследования мстительной реакционерки-императрицы». В воззвании говорилось, что император фактически не правил страной. Державам следует освободить его из пекинского дворца и доставить в новую столицу – Нанкин, Вучанг или Шанхай, низложить императрицу и ее министров и установить над Китаем протекторат, в то же время предоставив императору возможность управлять страной. Державы, в руках которых будет находиться протекторат над Китаем, должны иметь надзор над всеми таможенными доходами, портами и телеграфным делом и открыть Китай для иностранного мира [10, с. 2].

Через прессу сообщались обещания вдовствующей императрицы, которая уверяла европейские миссии, что китайские войска не окажут им сопротивления: «Императрица поручила нескольким членам Тзунг-ли-ямена заявить миссиям, что китайские войска не окажут сопротивления вступлению иностранных отрядов в Пекин» [11, с. 3]. Или: «Китайская вдовствующая императрица заявила о своем непоколебимом решении оказать европейским державам самое упорное сопротивление и присовокупила, что если это ей не удастся, то она убьет императора Кванг-Су и затем сама покончит самоубийством» [12, с. 3]. Однако слова императрицы расходились с приказами, которые она отдавала: «Вдовствующая императрица приказала генералу Тунгфушянгуну ответить огнем и мечом на ультиматум держав и соединиться с “Кулаками”. Из полученной телеграммы – ударами сабель убит один посланник, по всей вероятности, германский посланник Кеттелер» [13, с. 2]. Далее было напечатано известие «о приказе императрицы “истребить всех иностранцев”» [14, с. 1], более того, генерал Юнг, который считался лидером ихэтуаней, имел аудиенцию у императрицы. Отмечалось, что императрица грозила «должностным лицам строгими взысканиями в случае, если по их вине будет ранен хотя бы один из членов сообщества “Большого Кулака”» [15, с. 3].

Императрица Цыси, готовясь к интервенции европейских войск, велела прекратить карательные операции против ихэтуаней. Маньчжурские князья открыли восставшим ворота Пекина. Правительственные войска не только не мешали ихэтуаням грабить, убивать, устраивать пожары, но и сами расправлялись с «рыжими дьяволами». Как отмечалось в газетах: «Китайская войска ничего не сделали для усмирения боксеров, которые жгли, вешали и убивали по произволу и стремились в конце концов к тому, чтобы истребить всех иностранцев» [16, с. 2].

Однако ситуация становилась чрезвычайно опасной. Для преодоления кризиса невозможно было рассчитывать на вдовствующую императрицу и на опальных реформаторов. В прессе прозвучал совет обратиться к влиятельному государственному деятелю Ли Хунчжану: «Надо думать, что этому опытному и старому государственному человеку удастся убедить вдовствующую императрицу и ее советников в необходимости не дать разрастись нынешней смуте до пределов революции и анархии» [17, с. 1]. Имя Ли Хунчжана часто упоминалось в прессе, ему отводилась роль посредника в переговорах между европейскими державами и императорским двором. Через него пытались узнать о судьбах дипломатов, находившихся в осаде в Пекине.

Неоднозначность политики и действий вдовствующей императрицы привела к критической ситуации в империи. Неспособность обеспечить безопасность иностранным дипломатам,

приказы императрицы о расправе над иностранцами привели к тому, что в прессу проникли детали переговоров держав о низложении и заточении вдовствующей императрицы. «Произошел обмен мнений относительно того, в какой форме может быть учреждено временное правительство в Пекине под надзором держав. Державы сочувственно отнеслись к предложению Соединенных Штатов, чтобы на китайский престол был посажен молодой император и чтобы ему были даны в советники министры, на разумный образ действий которых державы могли бы положиться. Для обеспечения порядка в Китае должны остаться международные войска» [18, с. 2]. Или, как замечали в газете «Новое время», найти средства, чтобы ограничить ее власть, поскольку «источником всех бед здесь считают императрицу Тхи-Тси» [19, с. 3]. Более того, ссылаясь на мнение газеты Times, полагали, что китайские чиновники не решились бы начать военные действия без приказа китайской императрицы [20, с. 1]. В русской прессе перепечатывали материалы из зарубежных газет, однако соглашаться с оценками своих коллег русские журналисты не спешили.

В прессе печатались сообщения о том, что китайский император обращался к России и США за посредничеством при решении конфликта. Вскоре союзные войска приступили к организации большого похода в Китай. В середине июня 1900 г. иностранный десант овладел укреплениями Дагу, где шел бой между китайскими фортами и военными судами держав [21, стлб. 1111], после чего императрица официально уже объявила войну державам и заявила о союзе с ихэтуанями. В русской прессе было опубликовано содержание указов императрицы. «В этих указах говорится, что примирение с христианами, против которых восстал весь китайский народ вместе с войском, учеными, дворянством и принцами, совершенно невозможно. Иностранцы сами открыли враждебные действия против Китая атакой фортов Дагу. Вследствие этого озлобление против всех европейцев еще усилилось. Подавить такое народное движение является делом опасным. Поэтому признано целесообразным воспользоваться пока этим движением. Посольства в Пекине, которым угрожает опасность, императрица обещается охранять. Окажутся ли европейцы или китайцы сильнее – будет видно впоследствии. Во всяком случае, все губернаторы должны неотложно собрать войска для защиты своих округов согласно с местными условиями и действовать по собственному усмотрению. Они отвечают за всякую территориальную утрату» [22, с. 3]. Сложно судить о точности перевода этих указов, но смысл передавался довольно ясно: «Мы находимся теперь в войне с иностранными державами. Боксеры-патриоты и народ соединились с императорскими войсками и вышли победителями из разных схваток с иностранными врагами. Мы послали уже императорских комиссаров для передачи похвальных слов его величества и для поощрения к новым победам. Жителям всех провинций нужно дать доказательство такого же патриотизма и такой же храбрости. Мы приказываем всем вице-королям и всем губернаторам собрать всех доброжелательных людей и сформировать из них полки. Они явятся нам большой подмогой в войне с иностранными державами» [23, с. 2–3].

В газете подчеркивалось, что «императрица не думала положить конец движению. Наоборот, она выпустила приказ, в котором называла боксеров честными людьми, занимавшимися физическими упражнениями. Она запретила наказывать боксеров, хотя они составляли тайное общество, запрещаемое законом в Китае. <...> Императрица отнеслась к ним ласково, и они сделали своими людьми» [24, с. 2].

В газетах печатались сообщения о союзе императрицы с движением ихэтуаней: «Вся личная свита императора и вдовствующей императрицы принадлежит теперь к членам “Большого Кулака”. Императорские принцы соорудили во дворце алтарь, где совершают служение по обряду “Большого Кулака”» [25, с. 3].

Даже в разгар трагических событий в Пекине авторы газетных статей не могли определенно возложить ответственность за происшедшее на вдовствующую императрицу. Неизвестно, кому принадлежала власть: вдовствующей императрице, императору или принцу Туану. Вообще не было достоверных сведений о том, что стало с императрицей. Собственно говоря, как и не имелось точных сведений о ней самой, о ее личности: «Истинный характер китайской

императрицы продолжает оставаться неразрешенной загадкой. В европейской печати ее портреты “раскрашены во все цвета радуги”, по выражению Daily News, но темные краски в них преобладают» [26, с. 2]. В июне 1900 г., в разгар трагических событий в Пекине, редакция журнала «Русский вестник» напечатала перевод статьи католического миссионера Кольдра о китайской императрице, где говорилось следующее: «Несмотря на свои ошибки, козни и жестокость, Тхи-Тси, верная своему монгольскому происхождению, заслужила благодарность Китая, которым управляла при помощи действительно выдающихся людей. Храбрая и предприимчивая, одаренная пылкостью и страстною натурой в соединении с соображением острым и притом прямолинейным, она сорок лет борется за независимость своей родины и сохранение Китая национальной независимости» [27, с. 667–668].

В начале августа 1900 г. произошел перелом, войска союзной армии двинулись к Пекину. 14 августа столица империи капитулировала. В газетах сообщалось, что императрица и ее окружение сбежали: «Императрица, весь двор и правительство бежали в провинцию Шэньси, с ними император и наследник. С сего дня в Пекине более нет боксеров» [28, с. 2].

В русской прессе событиям в Китае 1900 г. уделялось самое пристальное внимание. Публицисты и журналисты старались объяснить причины происходивших событий, действия и политические решения членов Цинского императорского дома, а именно – вдовствующей императрицы Цыси. Газетные редакции не стеснялись печатать новости из непроверенных источников. Отсутствие достоверных сведений, нарушение информационных коммуникаций провоцировало панические настроения в русской и европейской печати. При этом журналисты не перекладывали ответственность за кризис в империи на фактическую правительницу, вдовствующую императрицу Цыси. На страницах русских газет фиксировались ее действия и решения по поддержке восстания ихэтуаней, однако негативные оценки деятельности императрицы отсутствовали.

Библиография

1. Сунь Чжинцин. Китайская политика России в русской публицистике конца XIX – начала XX века. М.: Наталис, 2008. С. 184–218; Макаров В.А. Восприятие боксерского восстания в российской прессе 1900–1901 гг. // Герценовские чтения 2008. Актуальные проблемы социальных наук. СПб.: РГПУ имени А.И. Герцена, 2009. С. 210–215; Старовойтова Е.О. «Мой большой кулак еще при мне!»: боксерское восстание в Китае в российских сатирических изданиях начала XX века // Новейшая история России. 2017. № 2. С. 81–95.

2. Кто-то о китайской императрице // Биржевые ведомости. № 149. 3 июня 1900.

3. Дочь русского посланника у китайской императрицы // Биржевые ведомости. № 169. 23 июня 1900.

4. Дочь русского посланника у китайской императрицы // Биржевые ведомости. № 169. 23 июня 1900.

5. Китайские «Кулаки» и их покровители // Биржевые ведомости. № 141. 26 мая 1900.

6. Китай // Амурская газета. № 25. 18 июня 1900.

7. Китайская императрица // Амурская газета. № 31. 30 июля 1900.

8. Принц Туан // Амурская газета. № 32. 6 августа 1900.

9. Державы и Китай // Новое время. № 8724. 12 июня 1900.

10. Восстание китайского императора // Биржевые ведомости. № 148. 2 июня 1900.

11. Телеграммы // Биржевые ведомости. № 147. 1 июня 1900.

12. Внешние известия // Новое время. № 8722. 10 июня 1900.

13. События в Китае // Биржевые ведомости. № 154. 8 июня 1900.

14. События дня // Биржевые ведомости. № 159. 13 июня 1900.

15. Внешние известия // Новое время. № 8711. 30 мая 1900.

16. Подробности пекинской трагедии // Биржевые ведомости. № 183. 7 июля 1900.

17. Россия и Китай // Биржевые ведомости. № 158. 12 июня 1900.
18. Переговоры о низложении императрицы // Биржевые ведомости. № 156. 10 июня 1900.
19. Державы и Китай // Новое время. № 8715. 3 июня 1900.
20. Телеграммы // Новое время. № 8719. 7 июня 1900.
21. Телеграммы // Амурская газета. № 24. 11 июня 1900.
22. Телеграммы // Биржевые ведомости. № 169. 23 июня 1900.
23. Императорский указ // Биржевые ведомости. № 171. 25 июня 1900.
24. Происхождение беспорядков // Биржевые ведомости. № 171. 25 июня 1900.
25. Телеграммы // Биржевые ведомости. № 169. 23 июня 1900.
26. Внешние известия // Новое время. № 8766. 24 июля 1900.
27. Китайская императрица // Русский вестник. 1900. Июнь. Т. 267. С. 667–668.
28. Русско-китайские дела // Новое время. № 8787. 14 августа 1900.

EMPRESS DOWAGER CIXI AND THE BOXER REBELLION IN CHINA ACCORDING TO RUSSIAN PRESS

Li Dongxin

Lomonosov Moscow State University

Abstract. The article deals with Russian periodicals and examines the role of Empress Dowager Cixi in Chinese Boxer rebellion, which had its peak in May–August 1900. The lack of reliable information from China due to the disruption of telegraph communications was compensated by the publication of various materials, including rumors, from the foreign press. Russian historiography has paid attention to Russian press coverage of the Boxer rebellion in the context of Russian-Chinese relations and the fate of the Chinese civilization in the early twentieth century. However, the key figure of those events, Empress Dowager Cixi, who was considered as the actual ruler of the Qing Empire, has remained on the periphery of research. The conclusion is made that readers of the Russian press were regularly informed about the actions and political decisions of the Empress Dowager, including her support of the rebels and the announcement of war to the foreign powers that had made a landing in the empire. However, these publications do not negatively assess her activity, strong-willed qualities and desire to preserve the integrity of the empire.

Keywords: Qing Empire, Beijing, Empress Dowager Cixi, Boxer Rebellion.